

МИХАИЛ Д. БЕЛОВ¹

МВШСЭН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-8848-2726

Коммуникация животных: от человека к обезьяне и от насекомого к систематике

doi: 10.22394/2074-0492-2023-2-119-138

Резюме:

В данной статье критически рассматривается антропоцентричность социологии, ее нынешние ограничения, касающиеся исследований нечеловеческих существ, на примере исследований коммуникации животных и межвидового взаимодействия. В статье показывается, с опорой на несколько ключевых теоретических направлений, как фокус традиционной социологии на человеческой социальности может быть расширен за счет включения нечеловеческих существ. Для понимания состояния такой социологии вводится понятие антропоморфоцентризма как объяснение текущей позиции области, отражающей желание выйти за рамки изучения людей, но нежелание исследовать нечеловеческие сущности без человекоподобных атрибутов. Автор описывает существующие ограничения, предлагает методологические шаги и эксплицирует эпистемологические и онтологические особенности, которые необходимо учитывать при включении животных как объектов изучения социологии. Предлагается, по примеру конверсационного анализа как строгого эмпирического метода, заменить перенос существующих человеческих систематик на создание новых на основе данных о каждом взаимодействии, будь то взаимодействие между человеком и животным, между животными одного вида или межвидовое взаимодействие; таким образом, подчеркивается необходимость эмпирического подхода к исследованиям видовой и межвидовой систематик. В статье делается вывод, что переход от антропоцентризма и антропоморфоцентризма к расширительному исследованию коммуникации живых существ необходим для получения валидных данных, формулирования выводов и конструирования теорий в социологии. Однако при таком продвижении необходимо помнить об ограничениях заимствованных человеческих концепций и механизмов в интерпретации нечеловеческих взаимодействий, также накладывающих свои отпечатки на процесс и результат исследований нечеловеческого взаимодействия.

119

-
- 1 Белов Михаил Дмитриевич — студент, Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН). Научные интересы: мультимодальный конверсационный анализ, феноменологическая социология, политическая социология, социология медиа. E-mail: mikaelbelov@gmail.com
Графики и диаграммы для публикации подготовлены Виталием Поповым

Ключевые слова: коммуникация, коммуникация животных, социология животных, антропоцентризм, антропоморфоцентризм, конверсационный анализ, семиотика, теория коммуникации

Mikael D. Belov¹

MSES, Moscow, Russia

Animal Communication: From Human to Monkey, from Insect to Systematics

Abstract:

This article critically examines sociology's anthropocentricity and its current limitations in research on nonhuman beings, using animal communication and interspecies interaction as examples. The paper demonstrates, drawing on several key theoretical strands, how the focus of traditional sociology on human sociality can be extended to include nonhuman beings. To understand the state of such sociology, the notion of anthropomorphocentrism is introduced as an explanation of the field's current position, reflecting a desire to go beyond the study of humans, but a reluctance to explore non-human entities without human-like attributes. The author describes existing limitations, proposes methodological steps, and explicates the epistemological and ontological features to be considered when including animals as objects of study in sociology. It is proposed, following the example of convergence analysis as a rigorous empirical method, to replace the transfer of existing human taxonomies with the creation of new taxonomies based on data on each interaction, be it between humans and animals, between animals of the same species or between species. The author thus stresses the need for an empirical approach to research on species and interspecies taxonomies. The article concludes that a move away from anthropocentrism and anthropomorphocentrism towards an expansive study of living creature communication is necessary to generate valid data, formulate conclusions, and construct theories in sociology. However, in making this move, one must be mindful of the limitations of borrowed human concepts and mechanisms in interpreting non-human interactions, which also impinge on the process and outcome of non-human interaction research.

Keywords: communication, animal communication, animal sociology, anthropocentrism, anthropomorphocentrism, conversation analysis, semiotics, communication theory

«КАКОЙ ЖВОТНЕ ВЫ КУСАИТИ?»
дебри интернета

1 Belov Mikael Dmitrievich — student, Moscow School of Social and Economic Sciences (MSES). Research interests: multimodal conversation analysis; phenomenological sociology; political sociology; sociology of media. E-mail: mikaelbelov@gmail.com

Введение

Традиционный предмет социологии — «социальное» — до недавнего времени ассоциировался исключительно с людьми, их деятельностью и связанными с ней явлениями; однако в последнее время проблематика социологии и социальных наук все дальше отходит от корня “*socio*” и всяческого упоминания таких слов, как «социальное» и «общество», то вовсе отказываясь от этих концептов (Урри), то переопределяя их через поиск новых смыслов и трактовок в классических текстах (Роулз), то «пересобирая» их, как это делает Латур. Вслед за этим постепенно, хотя медленно и не без препятствий, поднимается и вопрос об отведенном человеку месте в социологии.

В данном тексте будут рассмотрены существующие исследования коммуникации животных и возможности семиотического анализа их взаимодействия с точки зрения эпистемологических и онтологических решений, которые применяются для введения нечеловеческих акторов в поле социологического изучения. В ходе анализа будут определены паттерны того, как концептуализируется возможность животной коммуникации. Я буду рассматривать микросоциологическую проблематику как менее протоптанное, но, на мой взгляд, более перспективное поле для исследования такой коммуникации. Антропологические труды, посвященные политике у шимпанзе [de Waal 2000], воронам [van Dooren 2019] и лесу [Kohn 2013], уже сыскали свое признание и даже предложили первичный концептуальный аппарат, чего нельзя сказать о микросоциологии животных, в которой все еще остается большое количество пробелов.

Нынешняя концентрация социологии на человеке могла бы быть описана с помощью термина «антропоцентричность», однако даже те попытки, которые предпринимаются исследователями в изучении животных, совсем недалеко отходят от человека. Некоторые ученые сейчас активно занимаются изучением взаимодействия бабуинов, которые родственны человеку и в общем-то наиболее, среди остальных живых существ, похожи на человека. Часто в таких исследованиях так и пишут: “*non-human primates*” [Cartmill et al. 2012]. Поэтому я бы скорее описал нынешнее положение социологии относительно объекта ее изучения не как антропоцентризм, хотя большая ее часть остается в этом русле, а как антропоморфоцентризм — под этим я понимаю желание выйти за рамки исследования людей, но невозможность, или, скорее, нежелание изучать существ, на человека непохожих. Я совсем не хотел бы обвинить кого-то в антропоморфоцентричности. Наоборот, исследования других приматов помогут нам лучше понять природу всех приматов, в частности, человека как входящего в это множество. На данный

момент существует непреодолимая оппозиция человека всем другим видам акторов, и исследования науки и технологий (STS) отлично этому поспособствовали, устанавливая всяческие бинарные оппозиции между человеком и не-человеком [Müller 2015], человеком и объектом [Латур 2014], человеком и машиной [Suchman 1987]. И хотя, как можно предположить, эти оппозиции не задумывались как бинарные, они определили дальнейшее проведение различий именно по таким линиям, так что можно сказать, что эти оппозиции являются бинарными по своим последствиям. В частности, они не позволяли социологии выйти за пределы исследований человека, которые бы не включали «машины» и материальные объекты, заданные существующими дихотомиями.

I. Бруно Латур обвиняет интеракционистов в обезьянничестве

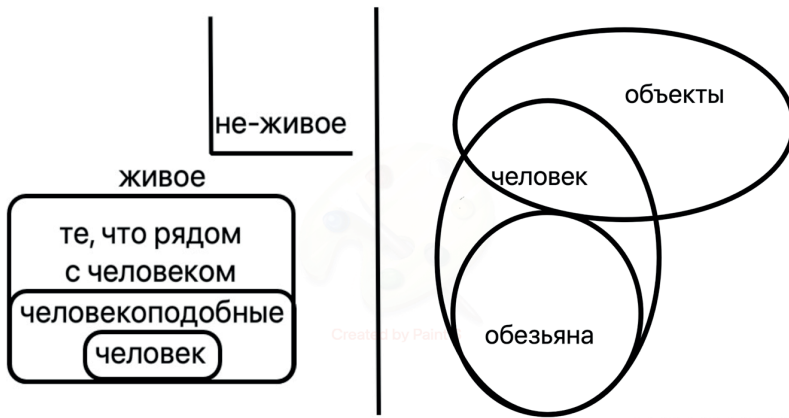
В Латурианской программе исследования нечеловеков содержится претензия к интеракционистской социологии. В тексте «Об интер-объективности» Латур [2007] обвиняет интеракционистскую социологию в том, что она не учитывает природу материальных объектов — на этом основании он делает вывод о том, что исследования людей для интеракционистов ничем не отличаются от исследований бабуинов. Латур также утверждает, что обезьяны являются идеальным объектом для изучения интеракционистов:

«...социология обезьян становится предельным случаем интеракционизма, так как все акторы присутствуют в одном пространстве и времени и участвуют во взаимодействиях лицом-к-лицу — взаимодействиях, динамика которых неразрывно связана с реакциями взаимодействующих. Это рай для интеракционизма; это рай и в другом отношении, поскольку вопрос о социальном порядке, по-видимому, не может быть применен к обезьянам в ином виде, нежели в терминах композиции диадических взаимодействий без каких-либо эффектов тотализации или упорядочивания» [Латур 2007: 80].

Несмотря на внутреннюю обоснованность претензии Латура, интеракционистская социология продолжила существовать в прежнем виде и не принялась сразу перекладывать свои доводы на обезьян (однако см. [Mondada 2018]). Латур поспорил с программой интеракционизма с помощью своей (анти)программы, и дальше все разошлось как ни в чем не бывало. Тем не менее тезис Латура об исследовании обезьян я бы воспринимал как побуждение к действию для интеракционистов, в частности для того, чтобы доказать, что взаимодействие обезьян или других животных не может быть сведено к диадическим взаимодействиям, а также заслуживает ста-

туса отдельной исследовательской области; впрочем, едва ли и классические интеракционисты согласились бы с претензией Латура.

Латур, безусловно, не относится к интеракционистам, однако я бы хотел подчеркнуть тот эпистемологический прыжок, который он совершает по сравнению с потенциальным последовательным деантропоцентричным движением: от антропоцентричной социологии к антропоморфоцентричной, затем к социологии, которая стоит совсем рядом с антропоморфоцентричной и изучает различные варианты взаимодействия человека с близкими человеку существами, и затем переходит к изучению совсем не связанных с человеком существ. Латур вводит противопоставление между человеком и обезьяной, которое ломает схему, и начинает заниматься материальными объектами, оставляя обезьян позади, так и не начав их изучение (см. рис. 1).

123

Рис. 1. Схема эпистемологического движения. Слева — последовательное движение деантропоцентризации социологии, справа — версия акторно-сетевой теории.

Fig. 1. Scheme of epistemological movement. On the left: consistent movement of deanthropocentrization of sociology, on the right: version of actor-network theory.

Таким образом, Латур пропускает несколько итераций движения объекта изучения от человека к не-человеку, оставляя позади и обезьян, и всех других живых существ и сразу переходя к материальным объектам как к используемым человеком во взаимодействии и потому требующим внимания социологов. Безусловно, Латур производит революцию в прямом смысле этого слова: он лишает своего онтологического статуса привычные объекты изучения и радикально ставит на их место другие. Однако он пропускает целую цепь итераций, с помощью которых можно было бы дойти до наделения

таким онтологическим статусом материальных объектов, выбирая последовательный путь от различных видов живого к неживому.

II. Что-то совсем (не)человеческое

Латур представляет лишь одну из возможных схем отказа от антропоцентризма. Другие пути могут быть обнаружены в подходах, пытающихся исследовать семиотику не-человеков. Одним из радикальных и неожиданных примеров последних лет является «Инсектопедия» культурного антрополога Хью Раффлса [2019] — книга, посвященная различным аспектам существования насекомых, в которой отдельная глава посвящена языку, а другие так или иначе затрагивают тему коммуникации среди насекомых.

В главе о языке Раффлс в первую очередь опирается на работу Карла фон Фриша, получившего в 1973 году Нобелевскую премию за открытие языка танца у пчел. Раффлс, анализируя работы фон Фриша, приходит к тому, что мы не должны переносить модель человеческой коммуникации и семиотики на семиотику животных, так как она является уникальной. Сам же фон Фриш [1966: 100-136] вообще пишет о языке танца пчел как об уникальном явлении среди *всех* живых существ.

Таким образом, перед нами встает серьезный вопрос обобщения семиотических способностей и явлений среди живых существ. С одной стороны, нам предлагается антропоцентричный перенос принципов человеческой коммуникации на коммуникацию животных. С другой — подчеркивание уникальности коммуникации *вида*. Так или иначе, простой перенос человеческой семиотики на не-человеческих акторов является, пускай зачастую и работающим, но допущением, которое в конечном итоге может привести к концептуальной путанице и неверному пониманию коммуникации животных.

В свете проблем, связанных с антропоцентризмом, становится крайне важным исследовать альтернативные перспективы и методологии, признающие уникальность нечеловеческой семиотики. Как отмечает Раффлс, простое применение человеческих моделей коммуникации и семиотики к животным может быть недостаточным, а в некоторых случаях даже вводить в заблуждение. Вместо этого необходим более тонкий и контекстно-специфический подход для раскрытия сложностей нечеловеческой коммуникации.

Одна из возможностей заключается в разработке системы элементарных (первичных) общих механизмов коммуникации среди всех видов. Такая система позволит исследователям изучить основные принципы, которые управляют различными формами коммуникации видов, не попадая в ловушку антропоцентризма. Этот под-

ход может привести к новому пониманию эволюционных истоков коммуникации и ее разнообразных проявлений в животном и человеческом мирах. Беря за основу коммуникацию как механизм, мы открываем дорогу исследованиям общих корней этого механизма, которые затем могут разрастаться в различных направлениях у разных видов животных в силу тех или иных присущих им уникальных способностей или ограничений.

Конверсационный анализ делает попытку поиска таких механизмов в человеческой коммуникации [Levinson 2006]. Один из основателей этого подхода — Харви Сакс — говорил о системах организации человеческого действия и взаимодействия именно как о машинериях [Sacks 1984], то есть механизмах, работающих вне зависимости от других факторов — будь то сознание, воля или особенности среды, которые при этом могут быть по-разному использованы владеющим машинерией, то есть конкретное использование будет зависеть от ситуативных факторов. Тем не менее сами такие механизмы взаимодействия являются повсеместными и *могут быть применены* в любой момент. Наличие таких механизмов не только у человека — вопрос сугубо эмпирический.

Такой интегративный подход мог бы систематизировать в себе различные представления о механизмах коммуникации животных, пролить свет на сложные взаимоотношения между коммуникацией, познанием и окружающей средой, преодолеть границы антропоцентрических предположений о первичности человеческих механизмов взаимодействия. Более того, применение контекстно-чувствительной методологии в изучении коммуникации животных может раскрыть адаптивное значение видоспецифических систем коммуникации. В таком случае — в случае самовыстраивающейся модели соотношения систем коммуникации, которая проводит отличия не на основе предзаданных критериев, а в силу сходств различных систем, ученым не придется совершать операцию придания значения тем или иным видам — собственноручно отделять человека от животного, один вид от другого. Достаточно будет лишь выявить кластеры *простейших систематик*¹ животного взаимодействия и первично отделить человека от других акторов, поставить человеческую коммуникацию в один ряд с другими подобными явлениями у животных [McNeil 2010].

Как показывают исследования животных и человека, последний может оказывать влияние не только на взаимодействие, в котором он участвует (на самом деле, межвидовое взаимодействие — отдельная область изучения со своими особенностями. Подробнее см.

1 В значении Sacks et al. [1974].

[Mondémé 2016; 2022]), но и на среду, в которой действует животное. В таком случае действия человека могут быть рассмотрены как фактор влияния на взаимодействие животных, а не явление, стоящее в одном ряду со взаимодействием того или иного вида. Внимание к изменению экологии взаимодействия животных — это также важный шаг в отходе от антропоцентризма и антропоморфоцентризма. Человеческая экология и ее факторы также не стоят в одном ряду с описанными явлениями, а являются лишь одним из факторов изменения экологии взаимодействия животных [Boyden et al. 1981; Bronfenbrenner 1979].

Главный вывод из этого раздела заключается в том, что, проводя различие между явлением, рассматриваемым как характерное для животного вида, и таковым у человека, мы должны, даже если изначально оно выделяется с помощью перенесения характерного человеку явления на нечеловеческого актора, оглядываться на его особенности у человека и редуцировать, насколько это возможно, его человеческие характеристики, которые мы, обычно не задумываясь, переносим на других, нечеловеческих акторов. Некоторые аспекты конкретного применения этого принципа будут рассмотрены в следующей части статьи.

126

III. «Говорящие» обезьяны пытаются обмануть человечество

Человечеству, а скорее научно-популярному сообществу известно такое явление, как обезьяны, которых люди пытаются научить говорить. Наверное, самым ярким примером такого кейса является обезьяна Коко — западная равнинная горилла из Сан-Франциско, чьим «воспитанием» занялась аспирантка Стэнфордского университета Фрэнсин Паттерсон, обучившая ее примерно двум тысячам слов из американского жестового языка. Когда я в первый раз услышал об этом эксперименте, об утверждениях о том, что горилла действительно может коммуницировать с людьми, я очень сильно удивился и подумал, что споры о коммуникации животных больше не имеют никакого смысла: хватит думать о том, как возможна коммуникация у животных — вот же она, давайте изучать, как она происходит!

Однако попытка найти хоть одну публикацию в хорошем рецензируемом журнале, которая бы не критически относилась к обезьяне Коко или другим обезьянам, которых пытаются научить человеческому языку, в основном, конечно, жестовому, обернулась провалом. Единственный труд, претендующий на научность, — это диссертация самой Паттерсон “Linguistic Capabilities of a Lowland Gorilla” (с англ. «Лингвистические способности равнинной гориллы»), которая затем была опубликована как часть книги про жестовый язык

у обезьян и людей [Patterson 2019]. Остальные работы относятся к журналу “National Geographic” и другого рода научно-популярным изданиям. В научных же изданиях сложно найти что-то, кроме критики — и кажется, что это вполне закономерно, ведь если бы Коко действительно могла говорить в привычном нам смысле, это бы привело к революции в науках о языке и коммуникации. Впрочем, легко судить, когда результат уже известен. Возможно, это ученые не хотят признавать революционность эксперимента, чтобы не потерять свои гранты и позиции? Ведь и после выхода «Об интеробъективности», вопреки тезисам этой статьи Латура, интеракционистская социология не перестала существовать.

Похожая история известна нам как «Вселенная 25» (а англоговорящему читателю как “The mouse universe”) — известный эксперимент этолога Джона Кэлхуна, исследующий влияние перенаселения и ограниченных ресурсов на социальное поведение и динамику популяции мышей. Изначально он был направлен скорее на широкую общественность и громкие заявления в прессе, чем представлял какую-то серьезную научную ценность, тем более что отвергался абсолютно всеми коллегами Кэлхуна, которые к тому же указывали на серьезные методологические недостатки его работы [Ramsden, Adams 2009]. С точки зрения соотношения животных и человека в эпистемологической схеме этого эксперимента Кэлхун сделал примерно следующее: он взял человеческие условия, адаптировал их под мышей и экстраполировал поведение мышей на поведение человека, за что и стал известен. Едва ли можно назвать эту модель антропоцентричной или антропоморфоцентричной — скорее она является попросту абсурдной и не знающей никаких ограничений, очевидных любому ученому при построении подобных моделей и экстраполяции результатов.

В общем виде примерно то же самое происходит с обезьяной Коко и Фрэнсин Паттерсон — пожалуй, это единственный случай на моей памяти, когда профиль автора на научных порталах менее популярен, чем его профиль на IMDb¹. Тем не менее в своей диссертации она все же пытается встроить в привычное научное знание свое исследование, и этот аспект нам крайне интересен, ведь некоторые критики пишут о том, что один из факторов, повлиявших на восприятие исследований о Коко, — это неконсистентность самой лингвистической науки, в частности понимания того, что такое язык [Ward 1999; Chomsky 1986].

1 IMDb (Internet Movie Database) — онлайн-платформа, предоставляющая информацию о фильмах, телепередачах, актерах и других аспектах кино- и телеиндустрии.

В своей диссертации Паттерсон [2019] пытается спорить с Ноамом Хомским — лингвистом, чья работа о генеративной лингвистике перевернула эту науку и само представление о языке. После Хомского значительное число лингвистов стало определять язык как врожденную способность человека, основанную на универсальном наборе принципов и правил, которые управляют созданием сложных предложений [Хомский 1962]. Хомский говорит о языке как о специфическом для человека аппарате, ведь он уникален и требует высоких когнитивных способностей для осуществления процесса генерации грамматики. Такое представление о языке как о сложном когнитивном процессе, кажется, и порождает это пространство для спекуляции в научно-популярном дискурсе, в котором обезьяна соседствует с человеком в своих когнитивных способностях [Thomas 2016], несмотря на то что доказательств явлений, подобных языку, у насекомых гораздо больше [Leadbeater, Chittka 2007].

Паттерсон [2019] выдвигает два аргумента против Хомского: первый заключается в том, что язык не является столь уникальной и специфической деятельностью *sui generis*, как пишет об этом Хомский, и может быть изучен через другие, в первую очередь невокальные процессы; второй заключается в том, что язык может быть понят через компаративистские исследования коммуникации среди различных видов, и таким образом могут быть выведены простейшие систематики языка как феномена живого существа. В конце своего текста Паттерсон пишет следующее:

«Какой вывод можно сделать из этого краткого и частичного обзора проекта Коко? В качестве первичного и частичного ответа на этот вопрос я хотела бы переформулировать заявление, сделанное Ноамом Хомским в 1968 году, заменив слово “человек” словом “приматы”, а словосочетание “уникальная человеческая способность” — понятием лингвистической коммуникации. <...> Нет лучшего или более многообещающего способа изучить основные и отличительные свойства интеллекта приматов, чем посредством детального (сравнительного) исследования структуры (и функционирования) <...> лингвистической коммуникации» [Patterson 2019: 254]¹.

Нельзя не отметить, что данные рассуждения представляют из себя один из продуктивных вариантов определения статуса коммуникации животных, и этот способ даже в немалой степени отходит от антропоцентризма. Паттерсон предлагает двигаться от явления к теоретическому обобщению, а не навязывать структуры человеческого действия животному и утверждать затем, что животное

1 При этом самого Хомского, хотя его теория является для нее центральным объектом критики, Паттерсон не цитирует.

способно к человеческому действию. Это валидная программа, которая может открыть нам много нового в исследованиях коммуникации, однако, к сожалению, сама Паттерсон в своем проекте эту программу не реализует. И Хомский, когда его спрашивают об этом эксперименте в интервью [Chomsky 2008], критикует ее как раз за это — по сути, Коко не владеет языком, а научена определенным паттернам, она не обладает тем, что Хомский назвал бы лингвистической компетенцией [Chomsky 1972: 125] или языковой способностью [Fitch et al. 2005]. Программно Паттерсон пытается найти замену теории Хомского с помощью углубления в когнитивистику и психолингвистику, таким образом «оправдывая» эмпирические недостатки своей работы¹. Едва ли этот аргумент был бы удовлетворительным для исследователей коммуникации, когнитивных психологов или кого бы то ни было, потому что и сам Хомский, и его последователи рассматривают его лингвистическую теорию как форму когнитивной психологии. Фундаментальная ошибка Паттерсон заключается в том, что она берет за основу чисто человеческие конструкторы и человеческий язык, не оставляя животным право на собственную уникальную (возможно, в той или иной степени *языковую*) коммуникативную компетенцию.

129

Интересно, что в одной из работ Паттерсон все же признает многие ограничения, о которых писали критики эксперимента [Patterson, Linden 1981: 145-152]. Проблема лишь в том, что критики говорят об этих недостатках не как об ограничениях, а как об ошибках и недочетах, недоработках. Другими словами, Паттерсон снова пытается оправдаться. Тем не менее ни один из критиков, да и в общем-то никто другой, не ставит под сомнение сам факт того, что Коко использует символы во взаимодействии. Да, возможно, у нее получается не так хорошо, как всем хотелось бы, и ее способности далеки от способностей компетентного носителя языка, однако базовые механизмы символизации у Коко присутствуют. Кажется, что именно этот результат всех подобных экспериментов с обезьянами оказывается самым достоверным и значимым для науки; конечно, звучит он не так революционно и не так продаваемо, как заявление о том, что обезьяна смогла овладеть человеческим языком, но тем не менее именно этот результат является прорывом как в исследованиях животного взаимодействия, так и в исследованиях взаимодействия животного и человека. Сам этот факт опровергает крайне антропоцентричную позицию, до сих пор исповедуемую многими учеными, изучающими коммуникацию, согласно которой подоб-

1 В самом деле, многие попытки Паттерсон придать своей работе научность похожи на оправдания тех или иных пробелов.

ное символическое взаимодействие и способность систематически вовлекаться в кооперативную коммуникацию свойственны только человеку [Levinson 2006; Tomasello 2008]. Хотя и с помощью не вполне методически (или как-либо еще) верных подходов, нам тем не менее открываются новые грани и способы взаимодействия между человеком и животным — не такие примитивные, как это принято было считать ранее, и не сводящиеся к однозначно доминирующей роли человека (например, см.: [Sebeok 1988]).

Таким образом, несмотря на всю спорность того пафоса, с которым преподносятся результаты этих исследований, ученым, занимающимся коммуникацией, стоит обратить свое пристальное внимание на те очевидные неоспариваемые результаты экспериментов, в ходе которых обезьян пытались научить говорить. Пускай эти результаты далеки от желаемых, далеки от заявлений о том, что обезьяны разговаривают, но тем не менее они указывают, что обезьяны способны совершать некоторые действия, которые раньше рассматривались как свойственные только человеку. Так что к этим данным стоит обратиться с вопросом «как?» — как обезьяны и другие животные осуществляют хотя бы эти символические действия, как они осваивают и применяют различные коммуникативные паттерны, не свойственные обычным представителям того или иного вида? Я пытаюсь сказать лишь то, что сами по себе эти данные являются важными и продуктивными для анализа с точки зрения поиска базовых систематик и/или других механизмов коммуникации. Этими кейсами должны, в частности, заниматься конверс-аналитики, исследующие взаимодействие животных как самодостаточное явление, без углубления в когнитивные особенности и споры о строении мозга обезьяны. К сожалению, трудно сказать, что видеоданные с этими обезьянами отвечают базовым методологическим требованиям записи для видеографического анализа, тем более что многие из этих записей достаточно короткие и создавались изначально для научно-популярных целей. Тем не менее даже некоторые из этих данных представляют интерес для видеоэтнографов и конверс-аналитиков и смогут пролить свет на организацию действия у животных и те машинерии и систематики, которые лежат в основе организации этих систем действия и взаимодействия. Далее, конечно, когнитивисты, лингвисты, конверс-аналитики и, возможно, даже кто-то еще будут спорить друг с другом об иерархии этих машинерий [Белов, Ерофеева 2022], однако это уже совсем другая история.

IV. Конверс-анализ и семиотика животных

Из предыдущего раздела следует очевидный вопрос о том, почему конверс-аналитических исследований подобного рода до сих пор

так мало. Боюсь, у меня нет однозначного ответа, кроме разве что того, что конверсационный анализ — это в принципе молодая дисциплина по сравнению с другими подходами к коммуникации и семиотике. Первая публикация, знаменующая признание самой возможности существования конверс-аналитического подхода, датируется 1974 годом [Sacks et al. 1974] — в это время другие подходы в лингвистике, многие из которых актуальны до сих пор, находились уже на совсем другом уровне развития [Stivers, Sidnell 2013]. Другой ответ, хотя и является продолжением первого, заключается в том, что животные попали в поле зрения профессионального взгляда конверс-аналитиков и в принципе ученых, занимающихся ЕМСА¹, совсем недавно, и эти исследования все еще занимают скорее маргинальное место в этом поле. Данный раздел будет посвящен тому, как конверсационный анализ смотрит на возможность коммуникации и семиотических способностей у животных.

Изначально ЕМСА были антропоцентричным исследовательским полем, и потому введение животного как объекта исследования сперва сопровождалось весьма антропоцентричными заявлениями, так как достигнутые результаты и открытия в этой области были сделаны в процессе исследований человека и применимы сперва *только*, а затем *в первую очередь* к нему; тем более что первые шаги к применению СА в исследованиях коммуникации животных, согласно аргументации исследователей, содействовали пониманию человеческой коммуникации [Logue, Stivers 2012]. Первое, что делают конверс-аналитики, когда начинают изучать животных, — они применяют и примеряют результаты исследований человека на животных. Конечно же, в первую очередь в поле конверс-анализа попали высшие приматы. Так, попытка отойти от антропоцентризма совсем не обязательно ведет за собой отхождение от антропоморфизма. Впрочем, последний вполне может служить дополнительным аргументом для применения человеческих систематик на существ, схожих с человеком, — в конце концов, никто не отменял аргумент видового родства, который тоже имеет место в расчерчивании границ схожести систематик видов².

131

- 1 ЕМСА — сокращение от Ethnomethodology and Conversation Analysis (в пер. с англ. — Этнометодология и Конверсационный Анализ).
- 2 Заметим, что вопрос о видовой систематике и классификации систематик видов возникает в конверсационном анализе, только когда он отходит от человека как своего единственного и уникального объекта. Дискуссия о классификации систематик — это тот же дебат о культурных, гендерных и других различиях и их влиянии на коммуникацию среди людей, выведенный на иной уровень.

Эта первая попытка сопровождалась в конверс-анализе редукцией систематики поведения животных к человеческим систематикам, причем редукцией во всех смыслах. Некоторые исследователи вообще утверждали, что высшие приматы могут использовать только форму запроса в своих действиях [Cartmill, Byrne 2010], некоторые сводили взаимодействие животных к ограниченному набору примитивных (во всех смыслах) форм действия [Call, Tomasello 2007; Gently et al. 2009]. Другими словами, животным было отказано в движении¹, который являлся бы повсеместным, то есть их взаимодействие в конечном итоге сводилось к схеме стимул-реакция, пусковой и на более сложном уровне².

Команды Россано и Фрëлиха в числе первых применяют мультимодальный конверс-аналитический подход к исследованиям высших приматов [Rossano, Liebal 2014; Rossano 2013; Fröhlich et al. 2016; Fröhlich 2017]. Эти исследования наконец-то ставят под вопрос антропоцентричность конверс-аналитических машинерий и ограниченность животной коммуникации, о которой писали ранее. Новизна, которую привнесли Россано и Фрëлих, также заключается в том, что они использовали мультимодальность не только для исследования жестов, которые и до этого изучались этологами и мыслились как достаточные основания коммуникации, но и направления взгляда, выражений мордочки, вокализаций etc. Таким образом, конверс-аналитики обратили исследовательское внимание на феномены, ранее не рассматривавшиеся исследователями, коммуникации высших приматов из других сфер. И хотя обнаруженные явления могут быть основаны на похожих на человеческие систематиках, а иногда, как, например, в случае с исследованиями взгляда обезьян, не могут избежать сравнения с тем же явлением у человека [Tomasello et al. 2007], они позволяют смотреть шире не только на человеческое взаимодействие, но и расширять взгляды этологов на поведение и коммуникацию животных. Говоря кратко, это огромное поле для междисциплинарных исследований. Как видно, конверс-аналитикам и этологам есть чему друг у друга поучиться.

Другое направление развития исследований животной коммуникации — это исследования взаимодействия человека с домашними и служебными животными³. Однако они скорее все же посвящены человеку и являются именно исследованиями

1 В смысле Heritage [2012], то есть собственном механизме и систематике действия.

2 О бихевиоризме в исследованиях коммуникации обезьян более подробно см., например: [Lawrence Wieder 1980].

3 Имеются в виду *service animals*, такие как собаки-поводыри и другие.

взаимодействия *человека* с определенными животными, а не исследованиями взаимодействия *таких животных* с человеком. Действительно, некоторые из них прямо выступают против антропоцентризма (например: [Arathoon 2023]), однако проделанные шаги позволяют нам говорить о гораздо более сложной структуре отхода от антропоцентризма: недостаточно добавить один нечеловеческий объект во взаимодействие — требуется отход от оптики, продиктованной исследованиями человека, осознание ограничений этой оптики и переноса результатов исследования человека на животных.

Важнейшей и относительно неизученной областью коммуникации животных в ЕМСА является внутривидовая коммуникация. Разработка видоспецифичных моделей, учитывающих уникальные поведенческие характеристики, станет шагом вперед по сравнению с распространенной практикой применения человеческих моделей коммуникации к видам животных. Кроме того, потенциальные различия в моделях коммуникации внутри видов в разных географических регионах также представляют собой интересную перспективу для исследования, как это когда-то происходило с изучением региональных особенностей человеческой коммуникации [Kita 2003; Duranti 1997; Speer, Stokoe 2011; Goodwin 2018; Yount-André 2016]. Более того, преобладающий акцент на визуальных и слуховых способах коммуникации упускает из виду широкий спектр ресурсов, используемых в животном мире, включая химические, тактильные и даже электрические способы коммуникации у некоторых водных видов, ведь для разных видов может быть характерна разная мультимодальность (включающая, соответственно, разные наборы модальностей). Невозможно не упомянуть пример того, как живой классик мультимодального конверс-анализа — Лоренца Мондада — также потенциально упускает разнообразие животной коммуникации. Хотя в некоторых статьях она анализирует взаимодействие между бабуинами без участия людей, ее анализ осуществляется для того, чтобы доказать некоторые гипотезы относительно человека и обнаружить, что что-то свойственно *не только* человеку, но и бабуинам [Mondada, Meguerditchian 2022].

Расширение сферы применения СА за счет включения в нее коммуникации животных с необходимостью требует отказа от антропоцентрической перспективы и доминирования наук о человеке; обнаруженные систематики должны быть заземленными (grounded), а не полностью перенесенными из других анализов взаимодействия — это лишь способствует «замыливанию глаза» — таким образом, и у взаимодействия камней в какой-то момент можно обнаружить человеческие систематики [Кловайт 2018].

Заключение

Как видно, вся совокупность методов перенесения взгляда ученого с человека на животное может быть грубо обобщена до двух противоположных паттернов: либо происходит перенесение ранее обнаруженных систематик у человека и/или других живых существ, либо обнаружение систематик происходит каждый раз по-новому, и анализ отталкивается сугубо от данных каждого нового взаимодействия. Конечно, такое грубое различие — на самом деле градиент, ведь неучитывание результатов предыдущих исследований излишне усложняет работу, а простое копирование не открывает ничего нового. Истина, как всегда, находится где-то посередине. С одной стороны, мы можем говорить о некоторых феноменах как об универсальных; с другой — не можем рассматривать эту универсальность относительно разных видов живых существ — совсем не факт, что человек так же взаимодействует с собакой, как собака взаимодействует с электрическим скатом. В этом смысле в исследованиях межвидового и человеческого взаимодействия необходимо поднять отдельный эмпирический вопрос о видовой и межвидовой систематике; несмотря на то что человеческий вид обладает наиболее развитой коммуникацией среди всех живых существ, необдуманное перенесение человеческих видовых систематик на другие виды является недальновидным и методологически невалидным шагом — происходит это, в частности, потому, что во многих исследованиях человеческие систематики не идентифицируются как видовые.

Большой проблемой в изучении нечеловеческого взаимодействия, как бы парадоксально это ни звучало, остается антропоцентризм, а там, где его нет, — антропоморфоцентризм. Первый мешает исследованию, второй — лишь шаг на пути расширения социологической проблематики на нечеловеческих акторов. Отсутствие его можно заметить лишь у не-социологов, занимающихся исследованиями коммуникации видов, максимально далеких от человека и с точки зрения биологического сходства, и ареала обитания (например, пчелы). Однако и на эти исследования можно было бы посмотреть совсем по-другому с социологической точки зрения; в свою очередь, некоторые методы этологов и биологов смогли бы прояснить многое в исследованиях социологов. В общем, такого рода взаимопомощь в междисциплинарных исследованиях выгодна всем сторонам. Что же касается социологии и проблематики ее объекта, уже сейчас может быть видна некоторая схема отдаления социологии от человека как единственного и/или господствующего ее объекта — это путь от антропоцентризма через антропоморфоцентризм, межвидовое взаимодействие с участием человека и из-

учение живых существ, обитающих рядом с человеком, до общих исследований коммуникации живых существ, отдельно от человека и вместе с ним. Но для того, чтобы такие исследования были валидны и беспристрастны, необходимо на каждом шаге отхода от человеческого взаимодействия оглядываться назад и понимать истоки и ограничения применяемых к не-человеческим акторам концептов и машинерий, дважды задавая вопрос о том, не натягиваем ли мы сову на глобус — другими словами, человеческие машинерии на взаимодействие не-человеков — и не упускаем ли мы таким образом как исследователи коммуникации уникальные для каких-то не-человеков систематики взаимодействия.

Библиография / References

Белов М. Д., Ерофеева М. А. (2022) Эпистемика наносит ответный удар: ситуативность и порядки взаимодействия в конверсационном анализе. *Социология власти*, 34 (3-4): 50-71.

— Belov M. D., Erofeeva M. A. (2022) Epistemics Strikes Back: Situationality and Interaction Orders in Conversational Analysis. *Sociology of Power*, 34 (3-4): 50-71. — in Russ.

135

Кловайт Н. (2018) Рефлексивный антропоморфизм: неведение онтологии или невежественная онтология? *Социологический журнал*, (1): 8-33. doi: 10.19181/socjour.2018.24.1.5711

— Klowait N. (2018) Reflexive anthropomorphism: ignorant ontology or ignorant ontology? *Journal of Sociology*, (1): 8-33. doi: 10.19181/socjour.2018.24.1.5711. — in Russ.

Латур Б. (2007) Об интеробъективности. *Социологическое обозрение*, 6 (2): 79-98.

— Latour B. (2007) On interobjectivity. *Sociological Review*, 6 (2): 79-98. — in Russ.

Латур Б. (2014) *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*, Изд. дом Высшей школы экономики.

— Latour B. (2014) *Reassembling the social: an introduction to actor-network theory*, Higher School of Economics Publishing House. — in Russ.

Хомский Н. (1962) Синтаксические структуры. In В. А. Звегинцев (Ed.) *Новое в лингвистике*, Vol. II: pp. 412-527. Издательство иностранной литературы.

— Chomsky N. (1962) Syntactic structures. In V. A. Zvegintsev (Ed.) *New in Linguistics*, Vol. II: 412-527. Publishers of Foreign Literature. — in Russ.

Arathoon J. (2023) Using ethnomethodology as an approach to explore human-animal interaction. *Area*, 00: 1-7.

Beisel U., Kelly A. H., Tousignant N. (2013) Knowing Insects: Hosts, Vectors and Companions of Science. *Science as Culture*, 22(1): 1-15.

Boyden S., Miller S., Newcombe K., O'Neill B. (1981) *The Ecology of a City and its People: The Case of Hong Kong*, Canberra: Australian National University Press.

Bronfenbrenner U. (1979) *The Ecology of Human Development*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

Call J., Tomasello M. (Eds.). (2007) *The gestural communication of apes and monkeys*, New York: LEA.

Cartmill E. A., Beilock S., Goldin-Meadow S. (2012) A word in the hand: action, gesture, and mental representation in humans and non-human primates. *Philosophical Transactions of the Royal Society, Series B.*, 367: 129-143.

Cartmill E. A., Byrne R. W. (2010) Semantics of orangutan gesture: Determining structure and meaning through form and use. *Animal Cognition*, 13: 793-804.

Chomsky N. (1986) *Knowledge of Language: Its nature, origin and use*, Praeger.

Chomsky N. (1972) *Language and mind*. New York: Harcourt Brace Jovanovich.

Chomsky N. (2008) "On the Myth of Ape Language." Interview by Matt Aames Cucchiaro. available from: <https://web.archive.org/web/20150930045521/http://www.chomsky.info/interviews/2007-...htm>

de Waal F. (2000) *Chimpanzee Politics: Power and Sex Among Apes*, Revised ed. Baltimore: JHU Press.

Duranti A. (1997) Universal and Culture-Specific Properties of Greetings. *Journal of Linguistic Anthropology*, 7: 63-97.

136 Frisch K. von (1966) *The Dancing Bees: An Account of the Life and Senses of the Honey Bee*, New York: Harcourt, Brace and World.

Fröhlich M. (2017) Taking turns across channels: Conversation-analytic tools in animal communication. *Neuroscience and biobehavioral reviews*, 80: 201-209.

Fröhlich M., Kuchenbuch P., Müller G., Fruth B., Furuichi T., Wittig R.M., Pika S. (2016) Unpeeling the layers of language: Bonobos and chimpanzees engage in cooperative turn-taking sequences. *Sci. Rep.*, 6: 25887.

Genty E., Breuer T., Hobaiter C., Byrne R.W. (2009) Gestural communication of the gorilla (*Gorilla gorilla*): Repertoire, intentionality and possible origins. *Animal Cognition*, 12: 527-546.

Goodwin C. (2018) *Intertwined knowing*, In *Co-operative Action* (pp. 93-104). Cambridge University Press.

Heritage J. (2012) The epistemic engine: Sequence organization and territories of knowledge. *Research on Language and Social Interaction*, 45 (1): 30-52.

Kita S. (Ed.). (2003) *Pointing: Where language, cognition, and culture meet*, Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum.

Kohn E. (2013) *How Forests Think: Toward an Anthropology beyond the human*, Berkeley: University of California Press.

Lawrence Wieder D. (1980) "Behavioristic operationalism and the lifeworld: chimpanzees and chimpanzee researchers in face-to-face interaction", *Sociological Inquiry*, 50(3-4): 75-103.

Levinson S.C. (2006) On the human "interaction engine". In N.J. Enfield, & S.C. Levinson (Eds.) *Roots of human sociality: Culture, cognition and interaction* (pp. 39-69). Oxford: Berg.

- Logue D., Stivers T. (2012) Squawk in interaction: a primer of conversation analysis for students of animal communication. *Behaviour*, 149: 1283-1298. 10.2307/41720615.
- McNeill J. R. (2010) *Mosquito Empires: Ecology and War in the Greater Caribbean: 1620–1914*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mondada L. (2018) *Multiple Temporalities of Language and Body in Interaction: Challenges for Transcribing Multimodality*. *Research on Language and Social Interaction*, 51(1): 85–106. doi:10.1080/08351813.2018.1413
- Mondada L., Meguerditchian A. (2022) Sequence organization and embodied mutual orientations: openings of social interactions between baboons. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, 2022: 377 (1859).
- Mondémé C. (2016) Extension de la question de “l’ordre social” aux interactions hommes/animaux. une approche ethnométhodologique. *L’Année sociologique*, 66: 319–350. <https://doi.org/10.3917/anso.162.0319>
- Mondémé C. (2022) Why study turn-taking sequences in interspecies interactions? *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 52(1): 67– 85. <https://doi.org/10.1111/jtsb.12295>
- Müller M. (2015) Assemblages and actor-networks: Rethinking socio-material power, politics and space. *Geography Compass*, 9(1): 27–41. doi:10.1111/gec3.12192
- Patterson F. (2019) Linguistic Capabilities of a Lowland Gorilla. In *Sign Language And Language Acquisition In Man And Ape* (pp. 212–258). doi:10.4324/9780429306020-8.
- Patterson F., Linden E. (1981/2002) *The Education of Koko*, The Gorilla Foundation.
- Ramsden E., Adams J. (2009) Escaping the Laboratory: The Rodent Experiments of John B. Calhoun & Their Cultural Influence. *Journal of Social History*, 42: 761–792. 10.1353/jsh.0.0156.
- Rheinberger H.-J. (1997) *Toward a History of Epistemic Things: Synthesizing Proteins in the Test Tube*, Stanford, CA: Stanford University Press.
- Rheinberger H.-J. (2010) *An Epistemology of the Concrete: Twentieth Century Histories of Life*, Durham: Duke University Press.
- Rossano F. (2013) Sequence organization and timing of bonobo mother-infant interactions. *Interaction Studies*, 14: 160–189.
- Rossano F., Liebal K. (2014) Requests” and “offers” in orangutans and human infants. Requesting in social interaction. *Studies in Language and Social interaction*, 26: 333–362.
- Sacks H. (1984) Notes on methodology. In J. M. Atkinson, J. Heritage (Eds.) *Structures of Social Action*, Cambridge: Cambridge University Press: 21–27.
- Sebeok T. A. (1988) “Animal” in biological and semiotic perspective. In T. Ingold (Ed.) *What is an Animal?* (pp. 63–76). London: Unwin Hyman.
- Speer S. A., Stokoe E. (2011) *Conversation and gender*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Stivers T., Sidnell J. (2013) Introduction. In J. Sidnell, & T. Stivers (Eds.), *Handbook of conversation analysis* (pp. 1–8). Malden, MA: Wiley-Blackwell.
- Suchman L. (1987) *Plans and situated actions: The problem of human-machine communication*, Cambridge University Press.

Tecumseh Fitch W., Hauser M. D., Chomsky N. (2005) The evolution of the language faculty: Clarifications and implications. *Cognition*, 97: 179-210.

Thomas E. L. (2016) Anthropocentric rhetorical discourse in popular science writing about human evolution. *Theology and Science*, 14(3): 340-360. doi:10.1080/14746700.2016.1191882

Tomasello M. (2008) *Origins of human communication*, MIT Press.

Tomasello M., Hare B., Lehmann H., Call J. (2007) Reliance on head versus eyes in the gaze following of great apes and human infants: the cooperative eye hypothesis. *Journal of Human Evolution*, 52: 314-320.

van Dooren T. (2019) *The wake of crows: living and dying in shared worlds*, Columbia University Press.

Ward B. (1999) Koko: Fact or Fiction? *American Language Review*, 3(3): 12-15.

Yount-André C. (2016) Snack sharing and the moral metalanguage of exchange: Children's reproduction of rank-based redistribution in senegal. *Journal of Linguistic Anthropology*, 26(1): 41-61.

Рекомендация для цитирования:

Белов М. Д. (2023) Коммуникация животных: от человека к обезьяне и от насекомого к систематике. *Социология власти*, 35 (2): 119-138.

138

For citations:

Belov M. D. (2023) Animal Communication: From Human to Monkey, from Insect to Systematics. *Sociology of Power*, 35 (2): 119-138.

Поступила в редакцию: 28.04.2023; принята в печать: 02.06.2023

Received: 28.04.2023; Accepted for publication: 02.06.2023